

Николай Добролюбов

**La confession d'un poete. Par
Nicolas Semenov, Paris, 1860**

Николай Александрович Добролюбов

La confession d'un poete. Par Nicolas Semenov, Paris, 1860

В рецензии на роман Н. Н. Семенова ярче, чем в других произведениях Добролюбова, выразилось неприятие критиком-демократом социальной психологии и морали дворянского общества, сколком которых является этот роман. Добролюбов с неодобрением воспринимает сам факт сочинительства русского автора на французском языке, в чем критик видит проявление элитарности, незаинтересованности в демократическом читателе. Но особенно возмущает критика крепостническое отношение к женщине, которым пропитан «аристократический» роман Семенова.

Содержание

#1	0005
Примечания	0040

**Николай Александрович
Добролюбов**

**La confession d'un poete. Par
Nicolas Semenov, Paris, 1860**

*(Исповедь поэта. Сочинения Николая
Семенова. Париж)*

Все, что написано по-французски, принадлежит, собственно, к французской литературе и потому по-настоящему не должно бы иметь места в русской библиографии. Но мы питаем большую нежность к нашим соотечественникам, на каком бы языке они ни говорили, и никак не хотим уступить их иноземцам. Г-н Кокорев, граф Соллогуб, Наркиз Атрешков, Николай де Жеребцов, инженер-полковник Комаров и другие французские литераторы из русских{1} остаются постоянно близки нашему сердцу не менее тех русских писателей, которые простирают свое презрение к иностранным языкам до того, что *Blinde Kuh* переводят «слепая корова»...{2} Наш патриотизм так велик, что никакой язык, даже язык статей г. Аполлона Григорьева{3}, не помешает нам тотчас признать нашего соотечественника, где бы мы его ни встретили, не только в Париже, но даже в первом и третьем отделении Санкт-Петербургской Академии наук{4}. Не упрекайте же нас за намерение разбирать в числе русских книг французское сочинение г. Семенова.

В отношении к этому автору мы имеем,

впрочем, и другие причины, почему обращаем на него внимание. Главная причина та, что нам жаль юный (может, он и старый, но из учтивости всегда говорится – юный) талант, до сих пор не нашедший себе достойной оценки. Представьте себе, молодой российский юноша ощутил вдруг призвание к творчеству и неразлучное с ним стремление к славе. Он горит желанием раскрыть свою душу перед целым миром. Россия, как ни огромно ее протяжение, тесна для него, удивления семидесяти миллионов, говорящих по-русски, мало ему... Он хочет заявить себя перед Европой, он желает поразить блеском своего гения весь образованный мир. И вот он прибегает к всемирному языку – сочиняет книжку по-французски, спешит в Париж, печатает свою рукопись в великолепной типографии Дюбюиссона в Rue-Сог-Негон, может быть самой литературной из парижских улиц, нечто вроде Армянского переулочка в Москве{5}, – отдает свою книжку на попечение г. Амуот, разделяющего с Франком любовь наших соотечественников {6}, и ждет, что заговорит о нем Европа. Он имеет все шансы для прославления своего

имени: лучшие из соотечественников прочтут его по-французски скорее, чем если бы он писал по-русски; в мнении каждого порядочного русского роман его будет заранее выигрывать 50 процентов уже потому, что он идет из Парижа и, кроме того, сокровища таланта русского автора доступны теперь для удивления всех образованных людей Европы; но особенно важно то, что новое французское творение должно вызвать похвалы парижской прессы; а так как известно, что журналистика всего мира повторяет то, что говорится в Париже, то, без всякого сомнения, имя г. Семенова скоро разнесется во все концы вселенной и прогремит в обоих полушариях.

Так, конечно, рассчитывал юный романист и, может быть, в мечтах своих возносился уже выше Вандомской колонны^{7}, против которой помещается книжный магазин г. Амьо, его издателя. Судите же, каково должно быть его разочарование: прошло около года после издания его романа, и никто не заикнулся о нем. Парижская пресса прошла его молчанием, и он может рассчитывать разве попасть в будущий «Annuaire des deux

Mondes»{8}, который с особенной любовью занимается состоянием русской науки и литературы, считая в числе главных ее представителей гг. Лешкова и Луганского{9}, или, как он выражается, Leschkoff и Louganski. Г-н Семенов ждал всемирной славы, а ее-то и нет... Мало того, и сама Россия осталась до сих пор в неведении о творении, давшем Европе новое доказательство русского гения. Русские журналы заняты были поздними сожалениями о том, что Россия потеряла г-жу Свечину, столь благодетельно действовавшую на развитие истинной цивилизации за границей; {10} но никто не пожалел о том, что русские читатели, не знающие по-французски, лишены счастья познакомиться с талантом г. Семенова... Мало того, даже в петербургские салоны не проник розовый томик г. Семенова, несмотря даже на то, что он многократно и с особенной настоятельностью обращается к светским дамам и молодым джентльменам. Правда, он пепелит их молниями своего гнева, но тем интереснее должен бы он казаться: поэт во гневе!.. Ведь это море в бурю! И если вы стоите на берегу, в полной безопасности,

как же не полюбоваться на величественное явление природы!.. Но *habent sua fata libelli*[1] – глубокомысленно заметили бы мы, если бы назначали свою рецензию для «Отечественных записок». Несмотря на все шансы успеха, книжка г. Семенова прошла незамеченного и уже перешла теперь на толкучке рынки Латинского квартала, где продается за четверть цены. По всему видно, что нашего романиста постигла участь Матрены, которую обессмертил Крылов в одном из своих комментариев на собственные басни:

*И сделалась Матрена
Ни павы, ни ворона{11}, —*

от русской литературы г. Семенов бежал, а французская не признала его.

Так не будет же этого, сказали мы сами себе: мы не допустим погибнуть в неизвестности нашего соотечественника, не оставим его ни в тех, ни в сех! Если французские павы не хотят признать его, то мы будем благороднее их и убедим русскую литературу принять г. Семенова в свою среду как настоящую, кровную ворону!..

В самом деле, стоит пробежать роман, чтобы увидеть, что автор его хотя и пишет по-французски, но по своим понятиям, стремлениям и сочувствиям остался истинно русским человеком, принадлежащим к нашему лучшему обществу. Чтобы убедить вас в этом, мы расскажем вкратце содержание «Исповеди поэта», предполагая, что вы имеете несчастье до сих пор еще не знать ее.

Надо заметить прежде всего, что г. Семенов говорит не от своего имени, а от имени некоторого поэта, по имени Евгения. Суждение самого автора о его герое можно находить в заключительном письме его друга, графа N*. По мнению графа, «сердце Евгения заключало в себе сокровища доброты и благородства, горячую любовь к истине и справедливости; он был страстен и порывист; ненависть его, если он ненавидел, доходила до иступления; но этот недостаток искупался в нем тысячами достоинств: — он был прямодушен, мужествен, как его предки, бескорыстен, предан тем, кого любил, до того, что готов был жертвовать для них всем, даже жизнью. Но что особенно отличало его, это дух изуми-

тельной правоты, свободной от всяких пред-
рассудков, и поэтический аромат, исходив-
ший из его души» (стр. 214). Итак, вот с кем
вы имеете дело: этот изумительный Евгений,
это совершенство в некотором роде – расска-
зывает вам историю своего сердца.

На бале *mademoiselle* Евлалии, содержанки
выше упомянутого графа N* (как видно, г. Се-
менов хотел дать Европе понятие о нашей
гласности, и потому многие лица в своем ро-
мане не означает иначе, как только буква-
ми), – Евгений влюбился в прелестную испан-
ку Инесу, которую содержал барон Ризен-
штейн. Вы не пугайтесь, что дело начинается
так прозаически: сейчас же дойдет и до поэ-
зии. Испанка дала Евгению свой альбом, чтоб
он импровизировал в него стишки. Он сначала
было окрысился, потому что «смешно же
воспевать прелестные глазки *d'une
courtisane*»[2], – как это приличнее сказать по-
русски – мы уж и не знаем. Но так как Евге-
ний – человек *bien eleve*[3], то он и не мог сде-
лать невежливости – даже куртизанке, но
взял альбом, с намерением, однако же, напи-
сать испанке *quelque bonne mechancete*[4]. Эта

bonne mechancete весьма удачно импровизирована была им из нескольких общих мест, до сих пор, впрочем, принимаемых за остроумие в известном круге общества. Чтобы дать вам понятие о том, как наш поэт (или г. Семенов – на сей раз это все равно) мастерски владеет французским языком и стихом, мы выписываем его импровизацию:

*L'amour est cher a Petersbourg.
Aux yeux de plus d'une sirene
Bourse vide est preuve certaine
D'un manque de coeur et d'amour.*

*Or, je suis un trop pauvre here,
Et pour qui t'aime, ange malin,
La bourse a tort d'etre legere
Alors que le coeuf est trop plein.*

*Je dissimule en vain ma plaie
Sous les replis d'un madrigal.
C'est pour l'amour triste monnaie,
Quandil demande un capital{12}.*

Отдавши испанке альбом, поэт удалился и пошел играть в карты. Но через час пошел ее отыскивать. Он ее нашел в дальней, слабо освещенной комнате, читающею его стихи и

плачущей. Произошло, разумеется, объяснение, из которого оказалось, что испанка имеет возвышенные чувства, вовсе не торгует собою, любит Евгения, но только не хочет обманывать своего любовника... Объяснение было прервано на самом интересном месте; но тем не менее дело было кончено. Испанки, как известно всем, даже не читавшим писем В. П. Боткина{13}, – страстны и решительны; следовательно, ничего нет удивительного, что Инеса на другое же утро бросила свою великолепную квартиру, продала мебель, отослала вырученные деньги к Ризенштейну, своему бывшему любовнику, наняла маленькую квартиру и к вечеру прибежала к Евгению с объявлением, что она – его навеки. Вот что значит поэзия, особенно такая, в которой поэт называет себя «*mi raivre here*»[5], избегая таким образом вульгарного *raivre diable*[6] и в то же время счастливо приближаясь к языку Шиллера и Гете!..{14}

Все было прекрасно, несмотря на то, что *raivre here* был действительно небогат: он получал сто целковых в месяц от своих родителей, а остальное приходило ему случайно –

то при счастливой игре, то за удачные стишки. Испанка, однако же, не тяготилась своим положением, потому что без ума была от Евгения и его талантов. Но поэт всегда найдет себе причину печали: он вздумал тосковать о том, что Инеса досталась ему не девою!.. Надо сказать, что он сам, как «jeune homme elegant et distingue»[7], по его собственному признанию, имел-таки на своем веку не одну интрижку и даже незадолго до встречи с Инесою только что бросил какую-то княгиню С*. Связь его с этой княгиней не была тайною, и Инеса знала про нее, но (по своей испорченности, очевидно) и не думала оскорбляться этим и ревновать прошедшее своего Евгения. Но поэт наш не из таких; нося в сердце своем «горячую любовь к истине и справедливости», он питает, как видно, не менее горячую любовь и к кое-чему другому, – он не может никак примириться с мыслью, что «другой владел его Инесою, другой покрывал это прекрасное тело своими ласками». Вследствие того «одно утро, держа ее в своих объятиях, он был охвачен холодным бешенством, безумным желанием задушить ее»... К сча-

стью, на этот раз смертоубийственное намерение не исполнилось, и мысли поэта приняли другой оборот, хотя в том же разрушительном направлении: ему захотелось во что бы то ни стало убить Ризенштейна. Он не мог только придумать приличного предлога для дуэли... Но, к счастью, оказалось, что барон одержан был той же, истинно немецкой, страстью – убивать своих ближних. Таким образом, в то самое время, как Евгений обдумывал проект ссоры с бароном, предупредительный немец сам к нему явился и без всяких предисловий осведомился, не желает ли поэт драться с ним. Поэт отвечал: «С величайшим удовольствием», и на другой день они дрались и, разумеется, Евгений убил Ризенштейна (иначе бы и романа продолжать нельзя было). Посла дуэли произошла прелестная сцена. Ночь перед дуэлью Евгений провел с Инесой; в семь часов утра, когда еще она спала, он отправился; покончив дело, он вернулся к ней и застал ее за чаем. «Зачем ты сегодня так рано поднялся и ушел?» – спросила она его. «Я дрался с Ризенштейном и убил его», – отвечал поэт. «Правда?» – спросила она. «Честное сло-

во!» – отвечал он. «О, благодарю!» – воскликнула она и бросилась ему на шею... Потом они принялись, конечно, за чай...

После этого происшествия поэт с испанкой стали жить спокойнее, только поэт наделал долгов. Чтоб заплатить их, он написал роман; роман не годился. Но редактор журнала, куда Евгений адресовался, был человек, каких мало даже между журналистами, благороднейшими людьми в мире, как известно. Он сказал поэту: «Ваш роман плох, и надо думать, что вы очень стеснены в делах, если решились подписать ваше имя под таким произведением; вот же вам тысяча рублей, которые вы желали получить за ваш роман. Мы с вами сочтемся, когда вы напишете что-нибудь достойное вас». Подобный героизм, рисковавший быть принятым за самую оскорбительную иронию, – исполнил радостью и признательностью сердце поэта. Он взял деньги – разумеется, с твердым намерением немедленно отплатить за них гениальным творением – и жил несколько времени спокойно с своей Инесой. Проживши деньги и не написавши ничего, он решился вступить в службу, с жа-

лованьем 500 рублей в год. Это было немного, но все-таки... Неизвестно, сколько бы времени продлилось счастье поэта, если б не помешали его родители. Они приехали из провинции в Петербург, узнали, разумеется, историю своего сына, и в один день, когда поэт попросил у отца денег вперед, отец принялся убеждать его – оставить Инесу. Поэт сказал, что лучше пусть возьмут жизнь его. После отца принялась мать за дело: поэт был непоколебим. Правда, что резоны родителей не отличались особенной убедительностью. «Мы уверены, что она превосходная женщина, потому что ты не полюбил бы так сильно женщину обыкновенную. Но поверь, что ее любовь не стоит любви твоих родителей; а мы принуждены будем отвратить от тебя наше сердце, если ты не разорвешь этой связи»... Вот что говорили они своему сыну. Он бы мог, конечно, спросить их: в силу каких же соображений отвращается от него их сердце за то, что он любит прекрасную женщину? Но ему не пришло этого в голову, или, лучше сказать, он в глубине души совершенно понимал и даже одобрял соображения своих родителей;

единственный аргумент его против них состоял в том, что он с Инесою достойны были составить исключение из общего правила... Таким образом, он довел своих родителей до того, что они отказались давать ему его жалованье – 100 целковых, и обещали лишить наследства. Он побежал к Инесе рассказать ей все. Она посоветовала ему обмануть родителей, сказавши, что он ее бросил; он тотчас ощутил благородное негодование, на которое она отвечала, что не могут же они жить вдвоем на 500 рублей, которые он получает в департаменте, и что если он не умеет для нее достать больше, то она не хочет для него жить на чердаке. Само собою разумеется, что эти слова обнаружили поэту всю ничтожность и гнусность его возлюбленной; он бросился от нее к своим родителям и объявил, что покончил с нею. Родители заплатили его долги, благословили его и уехали из Петербурга с облегченным сердцем. Но сын не мог утешиться, и через месяц, когда Инеса явилась к нему просить прощения и соглашалась переносить с ним бедность, – он не мог устоять. Он написал родителям, что отказывается

от их денег – конечно, не от тех, которые пошли в уплату долгов его, а на будущее время, – и решился жить с Инесою на 500 руб. в год. Лето они прожили отлично, к осени пришли нужды и долги, – Инеса захворала, к поэту приехала тетушка и во что бы то ни стало задумала женить его на богатой невесте – девице Даровой. Евгений сначала уперся, но потом, имея в виду свое стесненное положение, нашел, что это наилучший возможный выход. Свои мысли на этот счет сообщил он Инесе, объяснив, конечно, что все это делается для ее счастья. Она отвечала: «Что делать, если нет другого выхода; но только это очень тяжело. Не лучше ли, если я наймусь в какой-нибудь магазин? Тогда я тебе не буду стоить так много». Поэт нашел средство, предлагаемое Инесою, неудовлетворительным и решился обделать свои дела с девицей Даровой. Для этого он немедленно нашел деньги взаймы, на обновление своего гардероба, и нанял квартиру уже отдельно от Инесы. Несмотря на то, слухи о связи его дошли до девицы Даровой чрез некоего господина Равенфельса; узнав об этом, поэт написал к

нему письмо, начинавшееся словами: «Вы подло оклеветали меня», и оканчивавшееся требованием, чтоб он отказался от клеветы под страхом в противном случае получить публичную пощечину. Равенфельс отрекся, и все обделалось благополучно. К довершению своего удовольствия поэт нашел возможность доставлять развлечения Инесе: граф N*, его друг, предложил ей ложу в театре и всякие увеселения вместе с его любовницею. Все шло, стало быть, как нельзя лучше. Одно только беспокоило поэта: он стал замечать, что Инеса уже не так радостно встречает его, не так пламенно ласкает, как прежде. К тому же он однажды встретил у нее князя N* (не смешивайте с вышереченным графом N*), молодого красавца и богача, великолепнейшего из петербургских Дон-Жуанов. Вы, без сомнения, предчувствуете, что случилось?.. Да, читатели, трагическая развязка явилась: однажды поздно вечером пришел поэт к своей Инесе, ждал ее возвращения с бала, ждал целую ночь – и дождался только в девять часов утра... Сдерживая свое бешенство, он спросил ее, зачем она так рано вышла сегодня утром;

она ответила, что выходила на минуту к кому-то возле; тогда он уличил ее в вероломстве и проклял! Она умоляла, она плакала, она объясняла, что князь N* напоил ее и заставил потерять сознание. Поэт был непреклонен в своем гневе! Инеса внушала ему неодолимое отвращение... Да и как иначе! Помилуйте, он, поэт Евгений, с своею чистою душою, со всеми сокровищами своего сердца, удостоил полюбить ее – ее, «чье тело другой покрывал уже прежде него своими ласками»; он столько сделал для ее счастья – убил другого, написал плохой роман, поссорился с благоразумными родителями, даже... даже решился жениться на девице Даровой, которую не любил... А она – вероломная, бессовестная Инеса! – она позволила себе слушать любезности красавца Дон-Жуана, решилась с ним ужинать, решилась... впрочем, правда, после ужина она уж ни на что не решалась: она потеряла сознание... Но все равно: тем хуже для нее. Поэт никогда не простит ей подобного цинизма, ибо любит истину и справедливость и отличается от простых смертных поэтическим ароматом, истекающим из души его. На этот

раз аромат был силен: поэт дал Инесе *coup de pied*[8] такой энергический, что она *alia rouler a l'autre bout de la chambre*[9]. Затем он написал покаянное письмо к любезным родителям и сделался болен: родители приехали к покаявшемуся блудному сыну. Инеса тоже раскаялась и написала к поэту письмо с мольбами – не проклинать и простить ее... Но он не смягчился: преступление ее было уж слишком велико! Поэтому он отвечал ей: «Я вас не прощаю и не проклинаяю, потому что я слишком презираю вас». Восхищенный таким ответом, отец поэта увез его к себе в провинцию.

Затем идет не очень интересный для нас рассказ о жизни поэта в провинции и за границей. В провинции он завел было интрижку с *madame R*, в Москве имел связь с княгиней О., которую бросил через месяц, чтобы ехать за границу. Путь лежал через Петербург. Здесь Евгений узнал, что Инеса на содержании у князя N*, и получил уже к ней совершенное омерзение. Она поймала его в маскараде, начала было просить прощения, но он не дал ей выговорить слова, обругал самым

отчаянным манером и ушел, задыхаясь от гнева. Исполнив этот долг совести, он отправился за границу. Здесь он продолжал грустить об Инесе, хотя уже нередко, «увлеченный красотой какой-нибудь римлянки или венецианки, забывал Инесу в их объятиях». Но настоящий праздник сердца был для него в Испании: андалузянки, одна другой пленительнее, заставляли его забывать одну для другой; он переезжал из Гренады в Малагу, из Малаги в Севилью и пр. утопать в наслаждениях любви с новыми избранницами... Но в Севилье он был обеспокоен письмом Инесы, которая, как оказалось, вразумлена была строгими речами поэта и искупила свою вину: она бросила князя N*, принялась содержать себя работой, расстроила свое здоровье и давно бы умерла с голоду, если бы не нашла помощи у графа N*, друга Евгения, Теперь граф и Инеса просили Евгения приехать и простить преступницу перед ее смертью. Поэт немедленно явился, простил, и Инеса умерла с спокойной совестью. Затем поэт перевез ее бранные останки в свою деревню, наследованную им от дяди, и через год с небольшим

сам тихо угас от грусти по своей Инесе, которую в глубине своего сердца не перестал любить, несмотря на все ее преступления. Пред смертью он почувствовал вдохновение и сочинил французские стихи, от которых мы избавляем читателей.

Роман на этом кончается; но у него есть мораль, в виде письма графа N* к одному из общих друзей о смерти Евгения. Здесь-то находим мы описание высоких качеств поэта, приведенное нами выше; здесь же передаются и окончательные, зрелые суждения поэта о людях, о добродетелях и пороках, и в особенности о женщинах. Сущность этих суждений состоит в том, что не следует быть слишком жестоким к потерянными женщинам, ибо они по большей части не получили возвышенных идей при своем воспитании и впадают в порок по неведению или по необходимости. Прочитав это, мы нашли, так сказать, ключ к нравственному смыслу, сокрытому в романе. Мы увидели, что в примере Инесы представляется нам возможность добрых чувств даже в таком глубоком омуте развращения, в какой неоднократно впадала прекрасная испан-

ка. Такая идея показалась нам истинно гуманною, благородною и возвышенною. Мы, признаемся, порадовались за то, что наш соотечественник выступает пред Европою представителем таких прогрессивных понятий... «Вот, мол, каковы наши! Смотрите и поучайтесь! Многие ли у вас дошли до той высоты цивилизации, которая выражается в романе г. Николая Семенова?.. После этого и говорите, что русские – варвары, что мы отстали в цивилизации! Извините, мы перегнали вас!..»

Полные справедливой патриотической гордости вследствие таких мыслей, мы дали прочесть роман г. Семенова одной француженке в надежде возбудить ее удивление к нашей цивилизации вообще и к поэту г. Семенова в особенности. Надежды наши оправдались, только не совсем так, как мы ожидали. Француженка, прочитав «Исповедь поэта», точно, почувствовала удивление и, отдавая нам книгу, сказала:

– Я не знаю русского общества; но никогда не думала я, чтоб в нем до сих пор господствовали такие варварские нравы и понятия...

– Как так?! – воскликнули мы и тотчас

предположили: верно, наша цивилизация зашла уж так далеко, что европейцы не в состоянии даже понять ее! Но оказалось, что и тут наше предположение было не вполне верно.

– Как же иначе думать о вас, – продолжала француженка. – Вы мне даете автора, который пишет русскую повесть по-французски, значит, хочет сказать что-нибудь любопытное и новое – не только для русских, но и для других наций, например и для нас, бедных французов. Что же он нам говорит? Он показывает нам как диковинку, что в женщине, бывшей несколько раз на содержании у разных лиц, могут сохраниться добрые расположения. Он бы лучше принялся доказывать, что человек, обедавший каждый день в течение тридцати лет, тем не менее сохраняет и на тридцать первом году потребность есть и умрет с голоду, если не поест каких-нибудь дней десять. Это было бы столько же ново и умно!.. Поверьте, что у нас вы не найдете человека, который бы сомневался в истине, с таким трудом открытой вашим автором... У нас никто не говорит уже об этом, так как никто не хочет прослыть пошляком. Но еще это ку-

да бы ни шло: у вас цивилизация так нова, что вам простительно говорить с эмфазом{15} всякие пошлости, которые у нас всякий понимает без слов... (Можете представить, как меня коробило при таких комплиментах!) Но я никак не думала, чтоб вы до сих пор стояли на таких отсталых пошлостях, да и тех хорошенько не понимали... Никогда я не думала, чтоб допотопные, азиатские взгляды на женщину до сих пор были в таком ходу у вас, как мне показал ваш прелестный романист...

– Однако, – возразил я, – где же вы нашли следы азиатских взглядов? По моему мнению, поэт г. Семенова – человек образованный, прогрессивный, передовой, можно сказать, во всех отношениях...

Француженка принялась хохотать; я принял обиженную физиономию, как человек, обиженный в святейших своих интересах. Тогда француженка вошла в азарт и с чрезвычайной живостью стала мне говорить следующее:

– Ну, не нрава ли ж я была, сказав, что азиатские, понятия у вас господствуют? Если вы называете поэта г. Семенова передовым чело-

веком, то что ж другие-то? По-вашему, стало быть, уж и это много, что он после всего, что сделала и вытерпела для него любимая женщина, решился простить ее? Может быть, у вас нашлись бы такие, которые бы и этого не сделали? Да, судя по роману и по вашим словам, можно думать, что действительно так. Ведь родители Евгения требовали же, чтоб их сын бросил Инесу, хотя она и прекрасная женщина... Какой резон, какое право имели они для такого требования? Они говорили, что такая женщина скоро утешится с другим, а Евгений уверял, что нет, но все были согласны, что если утешится, то будет недостойной и преступной женщиной... О, какая мораль, какой нравственный кодекс!.. Да понимаете ли вы, сколько дикости самой свирепой заключается в таких рассуждениях?.. Ведь это турецкие паши – ваши благовоспитанные люди – «передовые», как вы говорите!.. Мало того, что они требуют любви и верности в настоящем, сами позволяя себе всевозможные уклонения, вроде женитьбы вашего поэта, – нет, они простирают свои посягательства и на прошедшее и на будущее любимой жен-

щины, – все-таки не принимая за то никаких обязательств на себя... Нет, это хуже, чем турки... Турок покупает женщину как вещь и имеет логичность – продолжать смотреть на нее как на вещь. Если продавец надул его и продал вещь не в том виде, как говорил, – турок не вымещает этого на самой вещи, а винит продавца; если женщина надоела ему, он ее бросает или перепродает; но ее уж по крайней мере и не считает преступницей за то, что она будет принадлежать другому... У вас турецкие понятия, как я вижу, вполне сохранились: вы смотрите на женщину как на вещь, которая должна *принадлежать* мужчине; вы находите, что мужчина есть властелин, имеющий полное право для своей забавы купить, похитить, обольстить и потом бросить женщину... Это все у вас называется «шалостями», немножко побольше сбивания цветных головок тросточкою в саду, немножко поменьше разорения птичьих гнезд... Ну что же – если женщины позволяют до сих пор так поступать с собой, так и пользуйтесь их слабостью; на то вы турки, на то вы азиаты... Но зачем же вы к этому примешиваете ка-

кие-то высшие требования? Как вы можете быть столько нелепы, чтобы считать, например, для женщины обязательною любовь к вам, после того как вы ее бросите? Да если б Евгений ваш был человек сколько-нибудь развитой и порядочный, он бы сказал своим родителям, и себе самому прежде всего: конечно; если я Инесу брошу, то она должна утешиться с кем-нибудь другим; глупо и смешно было бы требовать, чтобы она вечно обо мне плакала, и если б это случилось, то не имело бы даже особенной заслуги, а только показало бы некоторую особенность ее характера. Но из того, что она утешится, вовсе не следует, что ее чувства не истинны и не прочны, что ими можно играть по моей прихоти». Зеркала, вазы, статуэтки и другие вещи, украшающие наши комнаты, конечно, разлетятся вдребезги, если в них пускать камнями; но кто же в этом виноват? Зеркало сделано, чтобы смотреться в него, а не затем, чтоб в него камни бросать. Так и женщина и любовь, — они ведь существуют вовсе не затем, чтоб вы производили над ними свои свирепые опыты... Если мужчина для испытания верности

своей возлюбленной станет ее бить, морить голодом, ухаживать за другой, а к ней подпустит одного из своих друзей – богача и красавца, умного и ловкого ловеласа, и будет потом в претензии, что она ему изменила, – я назову такого мужчину сумасшедшим... Нет, мало того, в цивилизованном народе и сумасшествия такого не может быть, – надо прибавить, что это сумасшедший из варваров, из диких... Чтобы удостовериться в достоинстве своих часов, он их хлоп изо всей силы об камень, и уверяет, что они никуда не годятся, потому что скомкались и разбились от удара... И как же это вы до сих пор еще не понимаете и не знаете, что любовь, как дружба, как жалованье, как слава, как все на свете, должна быть заслуживаема и поддерживаема. Вы ничего не делаете, бьете баклуши и вините род человеческий за то, что он вам не собирает национальной подписки, не строит великолепных дворцов и вилл, не задает вам каждый день праздников, а просто-напросто оставляет вас едва с куском хлеба. Да помилуйте, вы должны еще и за этот кусок быть благодарны; и его вы не заслужили... Вероят-

но, у вас есть люди, которые, ничего не делая, считают себя вправе пользоваться всем, чем другие, и даже больше? Это должно быть так, судя по вашим воззрениям на любовь. Вы всё хотите получить и сохранить, не обязывая себя ни к чему. Вы не храните себя в юности для первой избранницы вашего сердца, вы очень свободно удовлетворяете первому физическому желанию, даже часто прежде, чем оно сделается очень настоящим. Но от женщины вы требуете, чтобы она себя хранила для вас от начала до конца своей жизни. Если она созрела, желания проснулись, она встречает человека, который им способен удовлетворить, который ей нравится, она должна, по-вашему, или бежать от этого человека (созерцая в тумане вас, ее будущего обладателя), или же отдать ему всю свою жизнь навеки, несмотря на все, что потом случится. Он ее бросит, она почувствует новые расположения, ее понятия вырастут и расширятся, – все равно: она должна оставаться верна своему первому увлечению, своему первому господину, – иначе вы ее обвините в измене, в непостоянстве, в дурном поведении, вы на

нее смотрите как на преступницу... Ну скажите, пожалуйста, на что это похоже? Где же тут взаимность, где тут равенство отношений между двумя любящими существами, давно признанное у нас в Европе и известное также и вам, как вы говорите? Поэт ваш месяца не может прожить, чтобы не завести интрижки, и от этого вовсе не считает себя недостойным обладать Инесой. Напротив, он полагает, что делает ей милость, возвращаясь к ней... А она... для нее он не находит достаточно обидных слов, чтоб выразить всю ее гнусность, когда она сошлась с другим после того, как он ее бросил!.. Бессовестный человек! Да он должен был бы сгореть со стыда, когда она стала со слезами просить у него прощенья за один такой поступок, каких он знал за собою десятки! Если уж человеческое сознание так глубоко спало в нем прежде, так хоть бы оно проснулось!.. Но нет, верно уж, это не его вина, а вина ваших нравов: он не только имел бесстыдство смотреть ей прямо в глаза при этом – он нашел в себе дикую силу обругать ее!.. О, какая гадость, какая гнусность!.. И после этого, по мнению вашего автора, Инеса

могла продолжать любить его!.. Нет, извините меня, – если б это была русская барышня, я бы ничего не могла вам говорить, но Инеса – не русская, она не могла не почувствовать величайшего отвращения к бесстыдству и бессердечию вашего поэта. Вероятно, г. Семенов изобразил всю эту историю в таком виде потому, что такое развитие всего сообразнее в вашими нравами. Но поверьте мне, что для нас, французов, тут есть нравственная невозможность: никогда француз не позволит себе такого турецкого суда над женщиной, и никогда французенка не протянет руки человеку, имевшему несчастье показаться перед нею таким бессмысленным и безнравственным животным. Мы имеем, конечно, свои недостатки относительно семейного устройства, но по крайней мере у нас нет таких диких взглядов на женщину, какими отличаются у вас «передовые» люди, подобные поэту г. Семенова. У нас женщина не собственность, а в настоящем смысле подруга мужчины, и потому о прошедшем ее он заботится лишь настолько, насколько оно касается настоящего. Конечно, женщину, еще сохранившую лю-

бовь к другому, мужчина может упрекать, за-
чем она сошлась с ним, не оставив прежнего
чувства. Но далее этого мы нейдём; ревности
к прошедшему, страсти обладать женщиной
исключительно во все времена у нас уже нет.
Мы умеем пользоваться настоящим. Бывало,
препятствием к счастью влюбленных служи-
ло даже прошедшее их отцов и дедов: если у
него был дед маркиз, а у нее мещанин, или
наоборот, то считалось для них бесчестным
сходиться. Теперь это осталось только как
редкое исключение у некоторых глупых фа-
милей. Потом прошедшее самой женщины
было большим препятствием для счастья; но
французы могут гордиться тем, что они вы-
шли и из этого предрассудка раньше и реши-
тельнее других. Теперь, впрочем, только у
вас, я думаю, эта нелепость и осталась... Ска-
жите, как вы сходитесь с мужчинами? Вы
имеете, например, прогрессивные мнения;
сходясь с человеком тех же мнений, вы требу-
ете, чтоб он непременно с детства имел их,
или нет? Если он воспитан был в отсталых,
жалких понятиях и перешел через множество
разных систем, чтобы дойти до истины, – вы

отвергаете его? Вы ревнуете, зачем он первый жар своей юной души посвятил на защиту мнений недостойных, и вследствие того считаете его преступным, отказываете ему в вашем уважении?.. Вероятно, нет... Отчего же вы не хотите приложить того же к женщине? Ведь вы признаете, что молодая девушка может иметь чувства и желания? Если она им удовлетворяет, но неудачно, так что потом должна искать других удовлетворений, – делает ли она преступление? Вы говорите, что эта перемена удовлетворения всегда ведет к развращению; я не понимаю этого. Есть девушки, которые так воспитаны, что уже с десяти лет думают о том, как бы повыгоднее продать себя, – одни в замужестве, другие – так. Если они с этим расчетом и остаются на всю жизнь, то, конечно, это женщины без сердца, женщины развратные, с которыми сходиться нехорошо и опасно. Но вы знаете, конечно, как делается большая часть первых «падений» женщины. Ловкость, лукавство и наглость мужчины приходят на подмогу к естественной потребности любви в девушке, и она отдается – чисто, искренно, доверчиво...

Ничего нет легче, как обольстить девушку, для человека наглого; но что же тут позорного для нее-то? И какой же мужчина, знающий эти дела, захочет тиранить бедную женщину за то, что он ее встретил не раньше, а позже другого? Если она ему нравится своей личностью и характером, то какая же ему надобность до того, что к ней прежде его прикасался кто-нибудь? Неужели вы до сих пор так скотски чувственны, что для вас всего дороже маленькая особенность физического акта?.. У нас это вывелось... У нас умеют уважать чувства женщины, и самолюбие мужчины удовлетворяется не тем, что он сумел воспользоваться первой неопытностью, а тем, если он умеет внушить серьезное чувство женщине, уже узнавшей жизнь и мужчин и к тому гораздо более осмотрительной и разборчивой. Впрочем, что ж я вам это толкую? Вы должны знать это хоть по французской литературе. Право женщины на ее чувства и полная законность их, обязанность мужчин и давать любовь за любовь и не придавать увлечениям женщины громадных размеров в сравнении с его собственными – все это было

темою сотни романов. После «Манон Леско» {16}, я думаю, произведения в этом смысле не прерывались до последнего времени... И после этого на том же самом языке ваш г. Семенов рассказывает нам бесстыдное поведение своего поэта, выставляя его еще благородным... Да, верно, он не читал толком ни одной французской книги! Он хоть бы в Беранже заглянул: из одних его песен он понял бы, куда ушли наши взгляды {17}, и постыдился бы писать свою казацкую чепуху!..

В бессвязных и порывистых, отчасти обидных для нас, но вовсе безвредных словах француженки я понял ясно только следующее: что Европа гниет, французская нация развращена до мозга костей, француженки потеряли всякое нравственное чувство {18} и г. Семенов напрасно потратил свой талант на вразумление таких глубоко падших народов, как все европейцы, знающие по-французски и, следовательно, напитанные идеями аббата Прево и Беранже. После этого я надеюсь, что если г. Семенов еще не издал своего нового романа: «Profil de Don Juan moderne», возведенного на обертке «Исповеди поэта», то он и

не издаст его по-французски, а переведет на родной язык, для назидания отечественной публики.

Примечания

Условные сокращения

Белинский – Белинский В. Г. Полное собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения».

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

ЖМНП – «Журнал министерства народного просвещения».

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

МВед – «Московские ведомости».

ОЗ – «Отечественные записки».

РБ – «Русская беседа».

РВ – «Русский вестник».

РСл – «Русское слово».

СПб Вед — «Санкт-Петербургские ведомости».

Совр. – «Современник».

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1860, № 12, отд. III, с. 272–286, без подписи. Вошла в изд. 1862 г. с восстановлением цензурных купюр.

В рецензии на роман Н. Н. Семенова ярче, чем в других произведениях Добролюбова, выразилось неприятие критиком-демократом социальной психологии и морали дворянского общества, сколком которых является этот роман. Добролюбов с неодобрением воспринимает сам факт сочинительства русского автора на французском языке, в чем критик видит проявление элитарности, незаинтересованности в демократическом читателе. Но особенно возмущает критика крепостническое отношение к женщине, которым пропитан «аристократический» роман Семенова. Добролюбов, всегда умевший заключить свое негодование в форму иронии или насмешки, выступает здесь со страстным обличением подобного отношения к женщине, пропове-

дуя новый взгляд на женщину, исполненный гуманности и подлинного благородства. Как и другие выступления Добролюбова, затрагивающие проблему неравноправия женщины (см. рецензию «Повести и рассказы М. И. Воскресенского» – наст. изд., т. 1; статьи «Темное царство» – наст. изд., т. 2; «Луч света в темном царстве» – наст. т.), рецензия показывает, что критик рассматривал эту проблему как составную часть общей проблемы демократической ломки старой общественной системы и освящающей ее системы представлений. Поэтому происхождение возмущившего его отношения к женщине Добролюбов связывает с исключительным положением дворянина-помещика, которое воспитывало в нем вместе с убеждением в праве на труд и личность крестьянина и убеждение в праве на нравственную свободу женщины.

Сноски

1

Книги имеют свою судьбу (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

2

Куртизанки (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

3

Благовоспитанный (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

4

Какую-нибудь колкость (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

5

Бедняком (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

6

Бедняк (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

7

Элегантный и благовоспитанный юноша (*фр.*)
– *Ред.*

[^^^]

8

Пинок (*фр.*) – *Ред.*

[^^^]

9

Отлетела на другой конец комнаты (*фр.*) –
Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

В. А. Кокорев опубликовал в брюссельской газете «Le Nord» статью «Взгляд русского на европейскую торговлю» (перевод – РВ, 1858, март, кн. 1). Кроме того, ему принадлежит брошюра «Impressions de la voyage d'un russe in Europe», Paris, 1859 («Впечатления русского от путешествия по Европе»), В. А. Соллогуб написал на французском языке пьесу «Preuve d'amitie», Paris, 1859 («Доказательство дружбы») и ряд брошюр: «Le Caucase dans le question d'Orient. Reponse aux biographes parisiens de Schamyl», Paris, 1855 («Кавказ в восточном вопросе. Ответ на парижские биографии Шамиля»), «Les musiciens contre musique», 1860, из «Journal de St.-Petersbourg» («Музыканты против музыки») и др. Н. А. Жеребцов – автор книги «Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie», т. 1–2. Paris, 1858 («Опыт истории цивилизации в России»), которую Добролюбов подверг уничтожающей критике

в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (см. наст. изд., т. 1), а также ряд брошюр на французском языке: «Le congress et non la guerre», Paris, 1855 («Конгресс и мир»), «Les trois questions moment», Paris, 1857 («Три современных вопроса»), «De l'emancipation des serfs en Russie», Paris, 1859 («Освобождение крепостных в России»). Употребляя приставку «де» перед фамилией Жеребцова, Добролюбов намекал на его аристократические амбиции. *Наркиз Атрешков* (Н. И. Тарасенко-Отрешков) издал на французском языке книгу «De l'or et de l'argent», Paris, 1856 («О золоте и серебре»; русский перевод – СПб., 1856), которой Н. Г. Чернышевский посвятил ироническую рецензию (*Совр.*, 1856, № 7). В 1860 г. он опубликовал новую книгу: «Des causes de la cherte», S.-Petersbourg («Причины дороговизны»). А. С. Комаров сотрудничал в газете «Le Nord», издававшейся на французском языке и финансирувавшейся русским правительством. В 1860 г. он выпустил в Париже первый том издания «Presse Scientifique des deux mondes. Revue universelle du mouvement des sciences pures et appliquees»

(«Научная пресса обоих полушарий. Всеобщее обозрение движения чистых и прикладных наук»), И. И. Панаев, сообщая об этом в «Заметках Нового поэта» (*Совр.*, 1860, № 9), иронически писал об «учености» Комарова.

[^^^]

2

Немецкое выражение «Blinde Kuh» (букв.: «слепая корова») означает: «игра в жмурки».

[^^^]

3

Добролюбов имеет в виду своеобразную терминологию А. А. Григорьева, которая была объектом постоянных насмешек в тогдашней критике (см., напр., заметку Добролюбова в «Свистке» № 2 «О допотопном значении г. Лажечникова»).

[^^^]

4

По уставу 1841 г. Академия наук делилась на три отделения: I – физико-математическое, II – русского языка и словесности, III – историко-филологическое. Среди действительных членов Академии наук по I и III отделениям было значительное число иностранцев, главным образом обрусевших.

[^^^]

5

В Армянском переулке находилась редакция журнала М. Н. Каткова «Русский вестник».

[^^^]

6

Парижские издатели и книготорговцы Ф. Амио и А. Франк издавали и продавали русские издания различной политической ориентации, в частности, в магазине Франка в 1850-е гг., а в магазине Амио в 1860-е гг. продавались лондонские издания А. И. Герцена.

[^^^]

7

Вандомская колонна – бронзовая колонна высотой 43,5 м, воздвигнутая в честь побед Наполеона I в 1810 г.

[^^^]

8

Ежегодник «Anmmire des Deux Mondes», издававшийся при журнале «Revue des Deux Mondes», содержал справки о деятелях в области политики, науки и литературы.

[^^^]

9

В. Н. *Лешков* – историк русского права славянофильской ориентации. *Казак Луганский* – псевдоним В. И. Даля.

[^^^]

10

См. примеч. 41 к статье «Черты для характеристики русского простонародья» (наст. т., с. 726–727).

[^^^]

11

Из басни «Ворона» (1825), *Комментариями на собственные басни* Добролюбов называет заключительные строки басен Крылова, разъяснявшие их смысл («мораль»).

[^^^]

12

Подстрочный перевод: Любовь дорога в Петербурге. Кроме того, в глазах прелестницы пустой кошелек – достоверное доказательство нехватки сердца и любви. Я же слишком беден и, чтобы любить тебя, плутовка, опустошаю свой кошелек, тогда как сердце слишком полно. Напрасно я скрываю свою рану в складках мадригала. Печальна любовь, когда она требует капитала.

[^^^]

13

Имеются в виду «Письма об Испании» (*Совр.*, 1847–1849).

[^^^]

14

Оба выражения означают: «бедняк», но второе – разговорное, общеупотребительное, а первое – архаизм, причем «hege», восходящее к немецкому «Heer», то есть «сеньор, господин», придает выражению «благородный» оттенок.

[^^^]

15

То есть в приподнятом тоне, с жаром (от греч. emphasis – выразительность, подчеркнутость).

[^^^]

16

Имеется в виду роман аббата Прево «История кавалера де Гриё и Манон Леско» (1731; русский перевод – 1790).

[^^^]

Уважение к свободе выбора женщины Добролюбов рассматривал как «характеристическую черту» поэзии Беранже (см. рецензию на «Песни Беранже» в переводе В. С. Курочкина – наст. изд., т. 1).

[^^^]

«Безнравственность» французского общества – общее место всей русской недемократической журналистики. О падении нравственности во Франции писала, например, Е. Тур в своих «Парижских письмах» (*РВ*, 1858, сентябрь, кн. 1),

[^^^]

[^^^]